

*Религиозная лексика
в поэзии Иосифа Бродского*

© О. А. ГАССЕЛЬБЛАТ

Статья освещает особенности употребления религиозных лексем в поэзии И. Бродского в сравнении с языком поэтов Серебряного века.

Ключевые слова: И. Бродский, поэзия Серебряного века, лексико-семантическое поле, религиозная лексика, Христос, ангелы, рай, ад.

Features of representation of lexical-semantic field of «Religion» in the work of Joseph Brodsky in relation to the texts of the poetry of the Silver Age.

Key words: token, the J. Brodsky, poetry of the Silver Age, lexical-semantic field, lexical meaning, context, semantics, compared with texts.

При изучении творчества Иосифа Бродского представляется интересным сопоставление использования религиозной лексики этим автором и некоторыми поэтами Серебряного века. Об актуальности религиозной лексики в целом для поэзии этого времени говорит количество таких лексем, как *Бог*, *Христос*, *Рождество*, *херувим*, *рай*, *волхвы*, в творчестве Ахматовой, Пастернака, Цветаевой, Мандельштама и Бродского. У Мандельштама встречается 63 употребления лексемы *Бог*, у Цветаевой – 315, у Пастернака – 21, у Ахматовой – 37, у Бродского – 49. Лексема *Христос*: у Цветаевой – 9 словоупотреблений, у Пастернака – одно, у Ахматовой – 3, у Бродского – 4. Лексема *Рождество*: у Ман-

дельштама – 5 словоупотреблений, у Цветаевой – 7, у Пастернака – 11, у Ахматовой – 4, у Бродского – 11. Лексема *херувим*: у Мандельштама – 3 словоупотребления, у Цветаевой – 3, у Бродского – 5. Лексема *рай*: у Мандельштама – 13 словоупотреблений, у Цветаевой – 63, у Пастернака – 3, у Ахматовой – 18, у Бродского – 10. Лексема *волхвы*: у Мандельштама – 2 словоупотребления, у Пастернака – 2, у Бродского – 6.

Примеры употребления лексических единиц, относящихся к лексико-семантическому полю «Религия», выделены на основе материалов «Словаря языка русской поэзии XX века» [1] и Национального корпуса русского языка. Поскольку тексты Иосифа Бродского в этом фонде отсутствуют, то количественные данные в его текстах вычислялись нами самостоятельно. Выбор поэтов для сравнительного анализа основан на предпочтениях самого Бродского: о своих любимых русских поэтах, оказавших на него особенное влияние, поэт неоднократно высказывался, что отмечено в воспоминаниях о нем его друзей (В. Полухиной, Л. Лосева, С. Волкова и др.) и в многочисленных интервью.

Выделенные нами лексические единицы, относящиеся к лексико-семантическому полю «Религия», традиционно-поэтические. Поэты Серебряного века при их употреблении не выходят за рамки ожидаемого традиционного контекста, связанного с полем «Религия». Например, у Мандельштама: «В изголовьи Черное Распятье, / В сердце жар, и в мыслях пустота...» («В изголовьи Черное Распятье...»). У Цветаевой: «Опять сияющим крестам / Поют хвалу колокола. / Я вся дрожу, я поняла, / Они поют: и здесь и там» (Ни здесь, ни там). У Блока: «Ангел навеет рукой белоснежной / Сон золотой» («Спите, больные и духом мятежные...»).

На основании материалов «Словаря языка русской поэзии XX века» можно утверждать, что лексемы *ангел*, *рай*, *крест*, *Господь* – частотные единицы в текстах поэзии Серебряного века. Наблюдается и парадоксальный эпатажный контекст, но такие случаи не часты (В. Маяковский, В. Хлебников, М. Цветаева). Лексемы *Христос*, *Богоматерь*, *волхвы* менее частотны, представленные в названном словаре примеры единичны. В поэтических текстах они традиционны с точки зрения семантики, контекста, ассоциаций. Однако под влиянием окружающих языковых единиц лексемы, относящиеся к полю «Религия», могут трансформироваться, приобретать «семантические приращения», различные «виды подразумевания». Особенно это относится к образам ангелов.

У Бродского:

Пилот почтовой линии, один,
Как падший ангел, глушит водку.

(Элегия, 1968)

⟨...⟩ Вот почему незримы
ангелы. Холод приносит пользу
ихнему воинству: их, крылатых,
мы обнаружили бы, воззри мы
вправду горé, где они как по льду
скользят белофиннами в маскхалатах.

(Эклога 4-я (зимняя))

У Цветаевой:

Весь поэт на одном тире
Держится... Над *ничем* двух тел
Потолок достоверно – пел –
Всеми ангелами.

(Попытка комнаты)

О, далеко не азбучный
Рай – сквознякам сквозняк!

(Поэма горы)

Для текстов И. Бродского и произведений поэтов Серебряного века характерны повторяющиеся образы, в том числе ангелов.

Спящий ангел.

У Блока:

Все так же бродим по земле –
Ты – *ангел спящий* непробудно,
А я – незнающий и скудный,
В твоём завернутый крыле. (Курсив здесь и далее наш. – О.Г.).

(«Все так же бродим по земле...»)

У Цветаевой:

Ангел: тру – у! *Спящий:* чу!
Так, на полном свету,
В тел и дел естестве,
Встанем – те, встанем – все ⟨...⟩

(Прожектор)

У Бродского:

Спят ангелы. Тревожный мир забыт
во сне святыми -- к их стыду святому.
Геенна спит и Рай прекрасный спит.
Никто не выйдет в этот час из дому.

(Большая элегия Джону Донну)

Ангел в небе.

У Блока:

Видит с пасмурной земли
Безнадежный глаз столицы:
Поднял мрак свои зеницы,
Реют ангелы вдали.

(«Сумрак дня несет печаль...»)

Ризу накрест обвязав,
Свечку к палке привязав,
Реет ангел невелик,
Реет лесом, светлолик.
В снежно-белой тишине
От сосны порхнет к сосне {...}

(Сочельник в лесу)

У Бродского:

Вечерний Мехико-Сити.
Пляска веселых литер
кока-колы. В зените
реет ангел-хранитель.

(Мексиканский романсеро)

Использование сочетания слов *архангел* (*ангел*) и *труба* в соответствии с библейским текстом.

У Цветаевой:

{...} Ты, курчавый,
Архангелом вопишь в *трубу*.
Ты – над Московскою Державой
Вздыхаешь раду-ду-гу.

(Братья)

У Пастернака:

Степь, как *архангел*, *трубила в трубу*,
Ветер горланил протяжно и властно {...}

(Прощанье)

У Блока:

Навстречу жаждущей мечте
 Лучи метнулись заревые
 И *трубный ангел* в высоте (...)

Замолкли *ангельские трубы*,
 Немотствует дневная ночь.

(Когда я прозревал впервые...)

У Бродского:

Спят всадники. Архангел спит с трубой.
 И кони спят, во сне качаясь плавно.
 И херувимы все – одной толпой,
 обнявшись, спят под сводом церкви Павла.

(Большая элегия Джону Донну)

В примерах апокалиптический образ архангела с трубой (как знак конца мира) погружается в повседневность. Можно предположить, что действительность для поэтов становится адом, Апокалипсисом.

Повторение ситуации перечисления в однородном ряду лексем, обозначающих предметы вещного мира и лексемы *крест* (*распятие*), как святыни для религиозного человека. У Цветаевой: «Люблю и *крест*, и шелк, и каски, / Моя душа мгновений след...» (Молитва).

У Бродского:

В камзоле, башмаках, в чулках, в тенях,
 за зеркалом, в кровати, в спинке стула,
 опять в тазу, в *распятьях*, в простынях,
 в метле у входа, в туфлях. Все уснуло.

(Большая элегия Джону Донну)

В этом случае соположение в контексте лексем происходит на основании противоположности и несовместимости значений *материальное/сакральное*.

Соположение слов *рай* и *ад*.

У Цветаевой:

(...) Так стучатся в грудь
 За любовь. Так, потупив взгляд,
 В светлый *Рай* стучится черный *Ад*.

(«Осторожный троекратный стук...»)

У Пастернака:

Мы были в Грузии. Помножим
Нужду на нежность, *ад* на *рай*,
Теплицу льдам возьмем подножьем,
И мы получим этот край.

(Волны)

У Бродского:

Геенна спит и *Рай* прекрасный спит.
Никто не выйдет в этот час из дому.

(Большая элегия Джону Донну)

Райские кущи с адом
голосов за спиною.
(Кто был все время рядом,
пока ты была со мною?)

(Мексиканский романсеро)

Присутствует основание противоположности и несовместимости значений *материальное/сакральное*.

Аллюзия на евангельский сюжет хождения по водам Христа возникает у Маяковского и развивается у Бродского.

Христос
не пешком пришел по воде,
подметки
мочить
неохота.

(Явление Христа)

Как будто
оба
ждут по воде
шагающего Христа.
Но Блоку
Христос
являться не стал.

(Хорошо!)

У Бродского:

(...) бесстрастность лилий,
водоросли – или рай для линий –
и шастающий, как Христос, по синей
глади жук-плавунец.

(Эклога 5-я (летняя))

То ли пулю в висок, словно в место ошибки перстом,
то ли дернуть отсюда по морю новым Христом.

(Конец прекрасной эпохи)

Метафора и сравнение реализуются с использованием лексики сниженного регистра (разговорной, жаргонной) рядом с лексикой религиозной (высокой). Часто Христу прилагается эпитет *новый, новоявленный*.

Приведенные примеры позволяют отметить влияние традиции и в нетрадиционном использовании лексем поля «Религия». В текстах Бродского присутствуют «отголоски» творений поэтов Серебряного века, которые никак нельзя назвать заимствованиями, скорее это реализации каких-то общих ментальных концептуальных структур, присущих культуре, именно «отголоски» «общей памяти» культуры [2], которые каждый из поэтов видит субъективно, и в этой субъективности авторы «образно повторяются». Сам Бродский в своем эссе о Цветаевой писал, что каждый новый поэт развивает даже посредством отрицания идиоматику, эстетику своих предшественников [3].

Определенная «эпатажность» в использовании религиозной лексики присутствует не только в текстах Бродского. Она в целом характерна и для языка поэтов Серебряного века. Более того, наблюдается повторяемость эпатажных образов. Можно с уверенностью утверждать, что Бродский, употребляя религиозную лексику, был учеником и продолжателем традиций поэзии Серебряного века.

Литература

1. Словарь языка русской поэзии XX века / Сост. В.П. Григорьев. М., 2003.
2. Муратова Е.Ю. Лингвосинергетика поэтического текста: Монография. М., 2013. С. 37.
3. Бродский И. Власть стихий: Эссе. СПб., 2012. С. 276.

РГПУ им. А.И. Герцена